

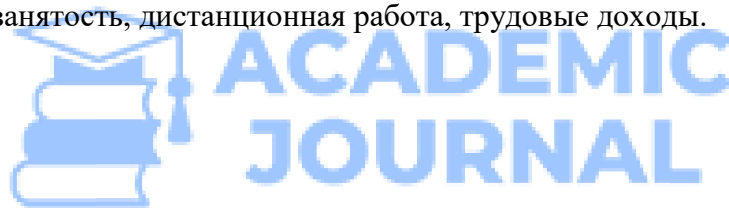
The Covid-19 Pandemic and its Impact on the Labor Market

Odegov Yuriy Gennadiyevich¹

Abdurakhmanov Kalandar Khodzhaevich²

Аннотация. В статье выявлены основные тенденции, присущие российскому рынку труда до вспышки эпидемии и тренды, очертания которых стали видны в период её проявления. Раскрыта суть основных изменений, произошедших вследствие необходимости адаптации к новым условиям. Выявлены основные отличия от механизмов саморегулирования рынка труда, проявившихся во время предыдущих экономических потрясений. Подробно рассмотрены влияние пандемии на неформальную занятость в российской экономике. Кроме того в статье проанализировано влияние пандемии COVID-19 на рынок труда.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, рынок труда, занятость, безработица, неформальная занятость, дистанционная работа, трудовые доходы.

¹Doctor of Economics, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the Scientific School "Management Theory and Technologies" of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov "

²Doctor of Economics, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Director of the Tashkent branch of the branch of Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние практически на все аспекты экономической и социальной активности. Рынок труда не остался в стороне: в 2020 г. произошли крупные изменения в структуре спроса и предложения на труд, условий труда, усиления ряда формировавшихся ранее тенденций (особенно в части цифровизации). Часть из этих изменений временная, и улучшение эпидемической ситуации, особенно в случае успешности массовой вакцинации, приведет к нормализации обстановки. Однако ряд изменений в структуре рынка труда и экономики в целом, по нашему мнению, будет носить устойчивый характер и оказывать влияние на инфляционные процессы.

В период пандемии все предприятия и организации, независимо от масштабов и сфер деятельности, столкнулись со значительными трудностями; наибольшие проблемы наблюдались в таких отраслях, как авиаперевозки, туризм, гостиничное и ресторанное дело, сфера услуг. Ряд секторов экономики столкнулся с реальной угрозой резкого снижения доходов, увольнения работников, банкротства. В особенно тяжелой ситуации оказались малые и средние предприятия, которым стало сложно поддерживать деловую активность в складывающейся обстановке. Запреты на поездки, закрытие границ, карантинные меры значительно ограничили возможность многих работников выполнять свои трудовые обязанности, что негативно повлияло на их доходы, в особенности на неформально занятых и трудоустроенных на временных работах. В обстановке неопределенности организации и фирмы не торопились с инвестициями, закупками и наймом работников.¹

Первоначальные оценки МОТ также указывали на то, что в зависимости от различных вариантов развития ситуации рост безработицы в мире может составить от 5,3 млн. человек («мягкий» сценарий) до 24,7 млн. человек («жесткий» сценарий). За исходный показатель была взята численность безработных, которая насчитывала в мире в 2019 г. 188 млн. человек. При «среднем» сценарии рост безработицы составит 13 млн. человек (7,4 млн. - в странах с высоким уровнем доходов). Для сравнения: мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. оставил без работы 22 млн. человек.²

Российский рынок труда имеет схожую реакцию с мировыми в плане роста уровня безработицы - наблюдается стабильное незначительное повышение её уровня ежемесячно с марта 2020 г. Единственным выделяющимся из общей картины «скачок» был отмечен в апреле, когда прирост показателя составил 1,1 %. Уровень безработицы, отмеченный в России за указанный период, сопоставим по своим значениям с показателями Дании. Стоит отметить, что в августе 2020 г. расхождение оценок регистрируемой безработицы в РФ и безработицы по методологии МОТ составляло 30,0 %, в то время как обычно данное соотношение равнялось 80,0 %. Причина данного явления кроется, по материалам Министерства экономического развития РФ, в первую очередь, в увеличении размера пособий по безработице, которые стали более привлекательны для временно безработных

¹ COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

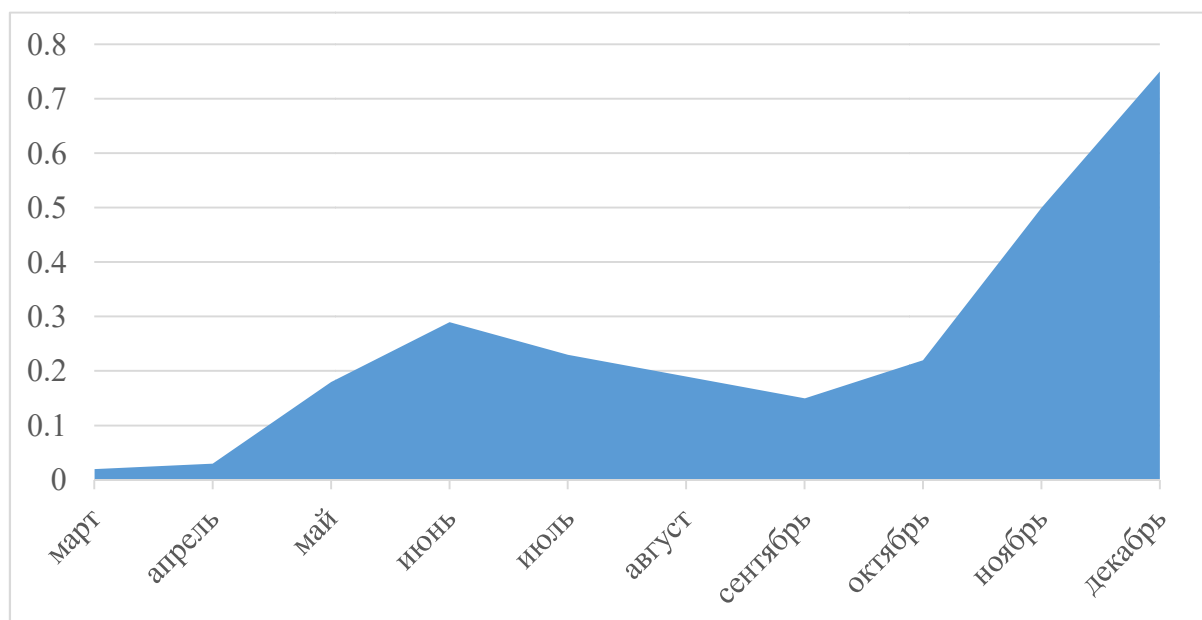
² COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).

граждан.³

Исходя из развития ситуации в период пандемии в России и других странах, можно говорить о следующих основных изменениях, произошедших на рынке труда.

Во-первых, негативные прямые последствия пандемии для трудового потенциала в основном связаны с временной потерей трудоспособности занятого населения в случае болезни в средней и тяжелой формах и последующего периода реабилитации, который также сопровождается пониженной трудоспособностью. Потери рабочего времени от второй волны пандемии осенью – зимой 2020 г. оказались значительно больше, чем от первой волны (рис. 1.): по нашей оценке, в России потери рабочего времени, непосредственно связанные с болезнью, составляли минимум 0,2–0,3% от численности населения в возрасте 20–65 лет во время весеннего периода ухудшения эпидемической ситуации и увеличились до минимум 0,7–0,8% к концу 2020 г.

К сожалению, не мог не сыграть свою роль и фактор смертности людей в трудоспособном возрасте. Однако с точки зрения потери трудового потенциала этот эффект был все же сравнительно небольшим, поскольку наиболее остро последствия коронавируса проявились в возрастных категориях, которые находятся за пределами трудоспособного возраста: так, по данным Стопкоронавирус.рф, уровень смертности в возрасте 80+ достигал почти 15%, в возрасте 50–59 лет – 1,3%, а в возрастах до 40 лет не превышал 0,2%. В случае эффективности вакцин все потери значительно уменьшатся после завершения массовой вакцинации населения во второй половине 2021 – 2022 г.

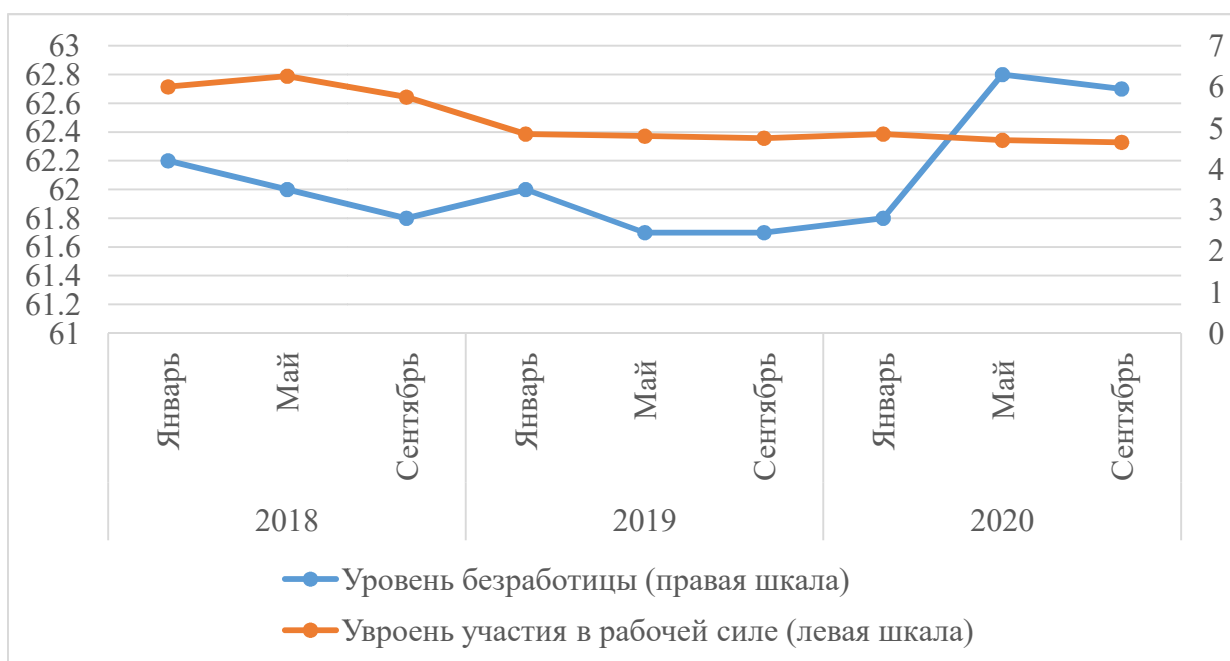

Рис.1. Доля рабочей силы, временно отсутствующей на работе из-за заболеваемости COVID-19, %⁴

³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9_56cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

⁴ Составлено авторами на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики

Во-вторых, экономический кризис, вызванный COVID-19, привел к росту безработицы и снижению участия в рабочей силе. В России при незначительном росте общего уровня безработицы с 4,6% в декабре 2019 г. до 6,4% в августе 2020 г. (максимум 2020 г.) наиболее сильно выросла безработица среди молодежи (20–29 лет), которая и до этого была самой высокой среди других возрастных групп (рис. 2.). Схожая тенденция более высокого роста молодежной безработицы наблюдалась и в других странах, например в ЕС.

Рис. 2. Уровень безработицы и участия в рабочей силе⁵

Начиная с сентября 2020 г. безработица в России постепенно снижалась по мере восстановления экономики и спроса на труд, но осталась на повышенном относительно прошлых лет уровне.

Медленное снижение безработицы в России после всплеска в середине прошлого года обусловлено как минимум несколькими структурными причинами на стороне предложения труда:

- отсутствием квалификации у людей, потерявших работу в одной отрасли, для перехода на работу в другие отрасли, где спрос на труд повышен (skills mismatch);
- отсутствием желания к перепрофилированию/повышению квалификации и поиску работы в других сферах в целом;
- ограничением на мобильность рабочей силы, связанным со сложностями переезда в другие регионы с целью выхода на новую работу (в том числе с учетом снизившихся доходов, не позволяющих покрыть издержки на предполагаемый переезд).

Уменьшилась и скрытая безработица – число занятых неполный рабочий день и число не ищущих активно новую работу. После прироста расширенного показателя безработицы на

⁵Составлено авторами на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики

2,8 п.п. во втором квартале относительно того же периода 2019 г. уже в третьем квартале прирост сократился до 1,9 п.п. При этом доля занятых неполный рабочий день и не ищущих активно работу, но готовых к ней приступит снизилась до уровня III квартала 2019 г.

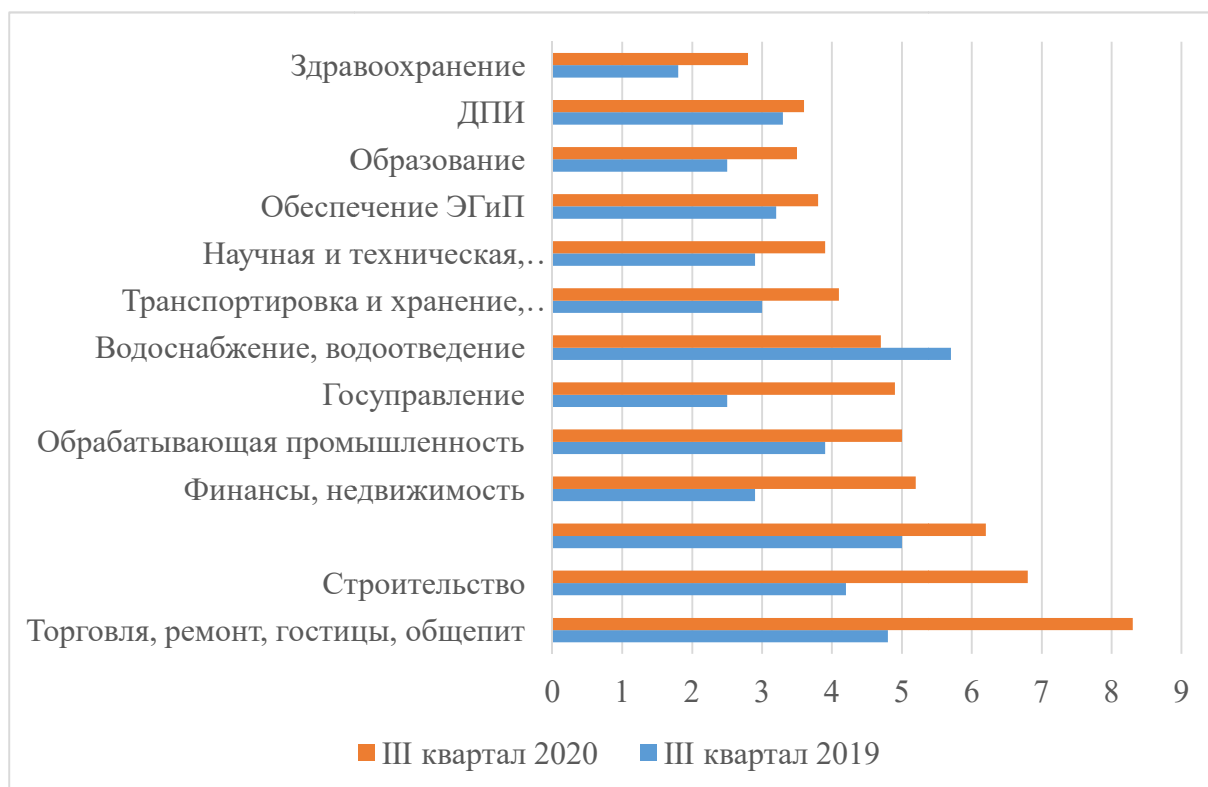
В-третьих, ограничения на трансграничные передвижения привели к резкому падению трудового миграционного притока в Россию в II–IV кварталах 2020 г. при сохранении оттока.

Сокращение количества трудовых мигрантов из стран Центральной Азии, с одной стороны, сократило масштаб роста безработицы в наиболее пострадавших от ограничений в период пандемии отраслях. С другой стороны, это вызвало нехватку рабочих рук в отраслях, которые зависят от труда мигрантов и в которых экономическая активность снизилась незначительно или даже возросла: например, в строительстве, сельском хозяйстве (особенно в период сезонных работ), торговле. При этом часть трудовых мигрантов, вероятно, сменила занятость в строительстве на менее «пыльную» работу курьеров, сортировщиков и т.д., спрос на которых в условиях локдауна резко возрос, как и уровень оплаты труда.

Восстановление миграционного притока в III квартале прервалось в IV квартале из-за второй волны коронавируса, и к настоящему времени проблема не исчезла. Кроме того, фактически закрытые границы затруднили приезд иностранных специалистов для обслуживания, ремонта и наладки импортного оборудования, что ограничило производственные возможности предприятий и повысило операционные риски.

В-четвертых, кризис пандемии неравномерно сказался на разных отраслях экономики. В нем оказались и проигравшие (большинство), и выигравшие (меньшинство). В результате возник или усилился отраслевой дисбаланс на рынке труда, отразившийся в том числе на отраслевой и общей динамике зарплат.

Сильнее всего пострадал сектор «контактных» услуг, который за редкими исключениями характеризуется высокой трудоемкостью, пониженным средним уровнем оплаты труда, а также повышенной долей неформальной занятости и микробизнеса. В этом секторе занятость снизилась сильнее всего, хотя меры господдержки и смягчили этот эффект. Одновременно произошло и снижение средних зарплат (например, на 39,3% во внутреннем водном пассажирском транспорте, на 13,5% – в турагентствах/туроператорах, на 9,5% – в ресторанном бизнесе; все данные за период I–III кварталов 2020 г. к тому же периоду 2019 г.). Распределение безработных по последнему месту работы указывает на значительное высвобождение рабочей силы в этих отраслях (Рис.3.).

Рис. 3. Отношение числа безработных по последнему месту работы к числу занятых по виду деятельности, %⁶

В-пятых, особенности пандемии привели также к тому, что в структуре рабочей силы наиболее пострадавшими оказались работники, занятые физическим трудом, как правило с невысоким уровнем образования и низкооплачиваемые. Таких работников практически невозможно перевести на удаленный режим работы. В результате возросло цифровое неравенство.

Кроме того, с учетом понижения в среднем уровня адаптации к новым процессам и технологиям с возрастом, а также изначально более низкого уровня цифровизации жизни в старших возрастах именно они оказываются в этой ситуации на рынке труда в более уязвимом положении.

В-шестых, пандемия во многих странах усилил неравенство в доходах, в частности дифференциацию трудовых доходов. В условиях мягкой монетарной и фискальной политики в большинстве стран мира, что привело к бурному росту финансовых рынков после временного провала в марте, в выигрыше также оказались высокодоходные когорты населения с высокой нормой сбережений и финансовыми активами.

Вместе с тем в России неравенство в доходах в целом в 2020 г. сократилось. В частности, по предварительным оценкам Росстата, коэффициент Джини в период пандемии снизился до 40,6 с 41,1 в 2019 г. Низкодоходные слои населения получили относительно большую прибавку к доходам от разовых бюджетных социальных трансфертов по сравнению с высокодоходными. Однако сохранение значительных социальных выплат разового

⁶Составлено авторами на основе статистических данных Федеральной службы государственной статистики

характера в будущем не предполагается, поэтому в перспективе неравенство в доходах, вероятно, вырастет.

В-седьмых, пандемия имеет и гендерные последствия. Из-за преобладания в сфере контактных услуг женщин и необходимости ухода за детьми из-за закрытия школ во многих странах доля женщин среди «новых безработных» оказалась выше, чем мужчин. В России этот эффект также наблюдался, но оказался слабо выражен.

В-восьмых, масштабная господдержка, оказанная гражданам и бизнесу, привела к неоднозначному результату с точки зрения занятости. С одной стороны, она сохранила (по крайней мере, на время) рабочие места в сегменте малых и средних предприятий и тем самым сдержала рост численности безработных. Возможно, это также поможет минимизировать прирост хронической (застойной) безработицы в той части, в которой она не носит структурный характер. С другой стороны, прямые выплаты гражданам и целевые выплаты безработным способствовали росту безработицы (как минимум увеличив число официально зарегистрированных безработных) из-за появления (или увеличения) доходов, альтернативных трудовым.

Тенденции, происходящие на российском рынке труда идентично рынку труда Узбекистан. В связи с этим опыт России в распространение удаленных форматов взаимодействия, в том числе с использованием видео-конференц-связи, будет снижать потребность в командировках сотрудников, увеличивать спрос на удаленные системы контроля и идентификации, а также расширят возможности (включая финансовые) для организации виртуальных мероприятий (выставок, конференций, путешествий, обучения, медицинских консультаций и т.д.). Развитие технологий дополненной реальности и связи новых форматов (5G, 6G, космическая связь) укрепит эту тенденцию. Вероятно, и стил жизни (lifestyle) в Узбекистане как в России в целом станет более «оседлым», что усилит рост онлайн-торговли и онлайн-услуг.

Повышение гибкости и адаптивности рынка труда – важный фактор снижения равновесного уровня безработицы и повышения потенциальных темпов роста экономики.

Поэтому происходящие структурные изменения на рынке труда, ускоренные пандемией или вызванные им, делают необходимым проведение более активной политики на рынке труда, которая должна быть направлена на ликвидацию существующих барьеров (например, в части мобильности рабочей силы и цифрового неравенства), подготовку и переподготовку кадров с ориентиром на цифровую экономику, развитие soft skills, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа на временной и постоянной основе. Отдельное внимание необходимо уделить обучению/переобучению граждан старших возрастов, особенно учитывая происходящее повышение пенсионного возраста. Все это требует скорее более точечных и целевых бюджетных расходов, нежели мер поддержки агрегированного спроса в экономике.

Список литературы

1. Абдурахманов К.Х. Экономика труда. Теория и практика: Учебник: - Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2019. С. 660
2. Одегов Ю. Г., Павлова В. В. Новые технологии и их влияние на рынок труда // Уровень жизни населения регионов России. 2018. Том 14. № 2. С. 60-70.
3. Одегов Ю.Г., Разинов А.Е. Пандемия COVID-19 и её влияние на мировой рынок труда:

- анализ складывающихся тенденций (Част первая) // Уровен жизни населения регионов России. 2021. Том 17. №1. С. 9–20.
4. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/956cde638e96c25da7d978fe3424ad87/Prognoz.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).
  5. COVID-19 и сфера труда: последствия и ответные меры. Вестник Международной организации труда. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---rogeneva/---sro-moscow/documents/briefingnote/wcms_746166.pdf (дата обращения: 20.09.2020).
  6. Федеральной службы государственной статистики. <https://rosstat.gov.ru/folder/81021>